

К 100-летию со дня

рождения Йонаса Билюнаса

РЕВОЛЮЦИЕЙ ОЗАРЕННЫЙ

В АПРЕЛЕ мы отмечаем сто лет со дня рождения И. Билюнаса. Когда думаешь об этом вековом периоде, перед глазами встает целая эпоха социально-политических преобразований, научных и культурных взрывов, революционных потрясений. С болью в душе сознаешь: из этих ста лет Йонас Билюнас прожил лишь двадцать восемь, из них семь он смог посвятить творчеству, да и то урывками, измученный нищетой, терзаемый неизлечимой болезнью. Только невероятным усилием воли писателю удалось подняться на большие культурно-интеллектуальные высоты, стать среди тех великих наших предшественников, которых переменившее время не только не унесло с пьедестала, но и подняло еще выше.

Думается, есть все основания говорить о феномене Билюнаса, хотя судьба его в своем трагизме похожа на судьбы многих его современников — представителей неминуемой интеллигенции Литвы. Имя Билюнаса мы соотносим с величайшими в истории Литвы именами, провозносим вслед за именем Жемайте.

Ближе, чем кто-либо другой из прогрессивных литовских деятелей начала века, Билюнас подошел к пониманию социалистического идеала, осознал необходимость борьбы за освобождение трудового человека от гнета паразита и капитализма. Его жизнь и творчество озарены революцией 1905 года. Борьба за литовскую национальную культуру, за свободное литовское слово и печать, Билюнас нигде и никогда не подчинялся шовинистическим настроениям, с глубоким уважением относился к другим народам.

Начав с небольших прозаических зарисовок и стихов, Билюнас вскоре становится зрелым мастером, убежденным сторонником критического реализма, теоретиком молодой литовской прогрессивной литературы. Яснее всех современных ему литераторов он понимает значение для литовской культуры двух гигантов — Жемайте и Донелайтиса. К мнению Билюнаса о том, что своеобразное творчество Донелайтиса возникло отнюдь не в отрыве от мирового литературного процесса, и сегодня следовало бы прислушаться кое-кому из тех, кто склонен вести происхождение этого классика только из «родного гнезда».

Билюнас ценит Жемайте не только за прекрасный язык и изумительные картины природы. Главное для него — правдивость глубокого знания жизни, человека, чем отличается творчество писательницы. Стоит напомнить, что говорил о реализме Билюнас отрицая псевдорелистов и превознося Жемайте: «Беллетристу-реалисту можно назвать фотографом, но это фотограф, снимающий образы не с поверхности, а из самой глубины: его внимание, как рентгеновские лучи, проникает сквозь верхний слой, должно представить нам скрытую внутри душу людей и их психологическую сущность». Далее следует утверждение, насколько уточняющее приведенную мысль: «И это должно быть исполнено реалистически, без искажения правды». Там же, опираясь на анализ «Потонувшего колокола» Гауптмана Билюнас объясняет, что он понимает под «неискаженной правдой». Оказывается, имеется в виду не только конкретная действительность, не только реальные причинные связи, но и образованные у людей под их воздействием представления, мифы, верования. «Почему реализм и можно, и следует понимать много шире, — резюмирует Билюнас, — не по шаблону, которого большинство из нас придерживается до сих пор; почва для реализма много шире».

Феномен Билюнаса совмещает прогрессивные взгляды с передовыми художественными концепциями. И все это нашло органическое выражение в небольшом по объему, но значительном по мысли творчестве. Билюнас расширил и углубил начатую Жемайте крестьянскую тему; создал первые впечатляющие образцы литовской пролетарской литературы.

Кто хоть раз побывал в родной деревне писателя — Нюроняй, тот легко представит себе, какую силу притяжения пришлось преодолеть юному мечтателю, чтобы оторваться от этой скупой лесной земли, от даривших здесь нищеты, предрассудков, по-крестьянски ограниченного представления о пользе знаний. Длинная цепь конфликтов протягивается с момента отъезда Билюнаса в Лиенаю, где он станет учиться не только по гимназическим учебникам, но и по революционным книгам и брошюрам — среди них окажется «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, — брать уроки на улицах, запруженных толпами рабочих.

По окончании гимназии будущий писатель выбирает не духовную семинарию, а Дерптский университет, тем самым днашая материальной поддержки родных. Но учеба продолжалась недолго, вскоре его исключают из университета за участие в прогрессивном студенческом движении. С трудом перебирается он в Лейпцигский университет, и тут начинается бесконечное, закончившееся только со смертью сраженне с туберкулезом, долгами и нищетой. Даже светлое чувство любви омрачено горечью из-за разногласий с дядьями невесты — священниками, имевшими все основания не любить известного прогрессивного деятеля, социалиста. И самым, пожалуй, неприятным в период, когда дни писателя были уже сочтены, стал конфликт с единомышленниками из литовской социал-демократии, вскоре повернувшей вправо,

так и не появившим его увлеченный искусством, его непреодолимого желания писать.

Можно лишь поражаться тому, что в истерзанной постоянными бедствиями душе писателя не поселилась холодная мизантропия, не проросли скепсис и цинизм. Напротив, все творчество его озарено грустным, ласковым светом дышит мечтой и добротой. Он любит жизнь, восхищается природой, но основное его внимание уделено человеку.

Человек Билюнаса, несмотря на скромный объем многих его произведений, многогранен. Он, этот человек, поднимает «красное полотнище» («Первая стачка»), взбирается на высокую гору за светочем счастья («Светоч счастья»), он и жертва («Нищий», «Безработный»), и исполненный народной мудрости судья («Палка», «Звезда»).

Билюнас не отрывает своего героя от естественной среды, не разрушает его социальных и духовных связей с народной массой. Драма личности у Билюнаса — всегда драма народа. Судьбы всех его героев типичны в национальном и социальном аспектах. Такая народность персонажа, действующего лица или героя не была новостью в тогдашней литовской литературе. Новым, давшим толчок традиции, стало стремление раскрыть внутренний мир человека, опираясь уже не только на социальные и этнографические признаки, но и на психологические факторы.

Тонко очерченный психологически, глубоко чувствующий, герой Билюнаса озабочен не только проблемами хлеба, насущного, но и полон мыслей о гуманистических ценностях бытия. Из этого источника любви к человеку черпал Венуолис. Много взял из него Цвирка. Симонас из «Звезды» Билюнаса и Симонас из «Повседневных историй» Цвирки — не просто случайная ассоциация. Билюнасовский источник питал и нас, послевоенное поколение прозаиков, а также тех, кто шел вслед за нами.

Новеллистика Билюнаса усилила в литовской прозе лирико-повествовательное начало. Субъективизация «билюнасовски» помогла развиваться и лирико-романтической повести предвоенных лет, а также широко известному новейшему психологическому литовскому роману.

Сегодня, отмечая столетнюю годовщину Билюнаса, мы говорим и о тех духовных узах, которые связывали этого гуманиста и талантливого творца с крупнейшими именами мировой литературы. В первую очередь мы называем великих русских писателей Горького и Чехова, чьи произведения близки ему некоторыми идейными мотивами и художественными особенностями. Стоицизм, тихая доброта чеховских героев... Планируемая, революционная романтика Горького... Это по своему перевоплотилось в прекрасных новеллах Билюнаса и стало традицией для нас, наследников выстраданной им мечты о совершенном человеке и совершенной жизни.

Николае СЛУЦКИС
ВИЛЬНИУС